

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.006

УДК 821.161.1-312.2 Солженицын.07 +
+ 82.09 + 811.161.1'37**В. И. Бортников**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ФОРМА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЦИКЛЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРОХОТКИ» КАК АВТОРСКИЙ СПОСОБ ОЦЕНКИ «СОВЕТСКОСТИ»*

В статье на материале первого (раннего, 1958–1960) цикла А. И. Солженицына «Крохотки» осуществлена попытка проследить авторское отношение к советской действительности, в которой «Крохотки» и были созданы. Специфика исследуемых текстов состоит в том, что Солженицын — «человек советский», «продукт» советской эпохи — демонстрирует критическое отношение к *homo soveticus*. Этот парадокс осознает и сам автор, то причисляющий себя к коллективному *мы*, от лица которого ведет повествование, то, наоборот, позиционирующий себя как *я* — субъект, смотрящий на советскую действительность извне. Соответственно, в зависимости от ситуации в «Крохотках» варьируются и формы повествования. В каждом случае доминирующую форму повествования представляется возможным определить по субъектным тематическим цепочкам, которые в «Крохотках» представлены в основном местоименными и нулевыми номинациями. Как показал частотный анализ, зависимость числа номинаций от объема текста отсутствует: тематические цепочки проявляются в тексте в том количестве номинаций, которое необходимо автору для выражения себя на фоне или в составе изображаемого. Именно на основе номинаций-субститутов (местоимений) выявлено преобладание *мы*-формы в цикле, что неизбежно объясняется включением повествователя себя в число *homo soveticus*. Показано, что форма *я*-повествования часто оказывается связана с природным окружением, с тем вековым, тысячелетним, вечным, что пыталась сломать «советскость». Безусловно критическое отношение автора к этим попыткам прослежено отдельно в каждой «Крохотке» через посредство событийных знаков, знаков-ритуалов и вещных знаков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Крохотки»; советское; Солженицын; тематическая цепочка; формы повествования; *homo soveticus*.

Ц и т и р о в а н и е: Бортников В. И. Форма повествования в цикле А. И. Солженицына «Крохотки» как авторский способ оценки «советскости» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 70–86.

Поступила в редакцию 16.09.2018

Принята к печати 15.10.2018

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-21-07002-ОГН «Человек советский» в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

© Бортников В. И., 2019

Vladislav I. Bortnikov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

FORMS OF NARRATION IN ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S MINIATURES AS THE AUTHOR'S WAY TO EVALUATE SOVIET REALITY

Referring to Solzhenitsyn's first early cycle *Miniatures* (Rus. *Krokhotki*) (1958–1960), the article attempts to trace the author's attitude toward Soviet reality wherein *Miniatures* were created. The peculiarity of the texts studied is that Solzhenitsyn, a Soviet man, a “product” of the Soviet era, demonstrates a critical attitude towards *homo soveticus*. This paradox is also realised by the author himself, who considers himself a part of the collective *we*, on whose behalf the narrative is given, but then, on the contrary, positions himself as *I* — a subject looking at Soviet reality from the outside. Accordingly, depending on the situation, *Miniatures* vary the forms of narration. In each case, the dominant form of the narrative can be identified by subject thematic chains, which are represented in the *Miniatures* mainly by pronominal and zero nominations. As shown by frequency analysis, there is no dependence of the number of nominations on the volume of text: the thematic chains appear in the text in the number of nominations that the author needs to express himself as contrasted or connected with the depicted reality. It is on the basis of nominations-substitutes (pronouns) that the *we*-form predominates in *Miniatures*, which is inevitably explained by the inclusion of the narrator in the number of *homo soveticus*. The article demonstrates that the form of *I*-narration is often associated with the natural environment, with the age-old, millennial, and eternal which the Soviet era tried to break. The author's undoubtedly critical attitude to these attempts is observed in each *Miniature* separately through event signs, signs-rituals, and real signs.

Key words: *Miniatures*; Soviet; Solzhenitsyn; thematic chain; forms of narration; *homo soveticus*.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) “‘Homo soveticus’ as Ambivalently Received Phenomenon in Hungarian and Russian Humanities of 20th–21st Centuries”.

Citation: Bortnikov, V. I. (2019). Forma povestvovaniia v tsikle A. I. Solzhenitsyna “Krokhotki” kak avtorskii sposob otsenki “sovetskosti” [Forms of Narration in Aleksandr Solzhenitsyn's *Miniatures* as the Author's Way to Evaluate Soviet Reality]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 70–86.

Submitted on 16 September, 2018

Accepted on 15 October, 2018

В творчестве А. И. Солженицына, 100 лет со дня рождения которого отмечалось в 2018 г., «Крохотки» занимают особое место. Специфика их, конечно, не только в том, что «эти рассказы — “крохотки” по отношению к тому огромному,

что он писал» [Ковалева, с. 107]. Жанровые формы, по выражению Н. А. Струве, Солженицын «исполнил все» [Там же], и «Крохотки» лишь одна из них, так сказать, самая малая¹. Написанные человеком, воспитанным в советскую эпоху и в этом смысле бывшим *homo soveticus* (термин, ставший популярным благодаря одноименной книге А. Зиновьева), но в определенный момент переосмыслившим советские ценности как антиценности, «Крохотки» не раз возвращают читателя к насущной для автора теме — роли советского, «советскости» в историческом процессе.

А. И. Солженицыну принадлежат два цикла «Крохоток». Первый был создан в период с 1958 по 1963 гг., второй — с 1996 по 1999 гг. В качестве материала исследования выбраны ранние «Крохотки»: написанные в советские годы, когда автор «жил еще на родине и вел неслыханную борьбу с всесильной державой» [Шнеерсон, с. 4], они с наибольшей остротой обозначают авторское отношение к *homo soveticus* и «советскости» в целом.

Семнадцать ранних «Крохоток» демонстрируют варьирующие формы повествования — от первого (*я-* и *мы-*повествование) и второго лица (*ты-* и *вы-*повествование). Принадлежность каждого текста к той или иной форме представляется возможным определить через строение субъектной тематической цепочки — «последовательность наименований одного и того же субъекта» [Гак] и, в частности, на основании доминирования в ней тех или иных местоименных номинаций [Ицкович].

По результатам категориально-текстового анализа [Матвеева] в «Крохотках» были выделены номинации адресанта и адресата текста, причисляемые к субъектным [Бортников, с. 77]. Они объединены в цепочки, позволяющие идентифицировать доминирующую форму повествования в каждой «крохотке» и количественно не всегда зависящие от объема текста (см. табл. 1)². Символом Ø обозначены «нулевые» номинации — имплицитно присутствующие, но формально не выраженные, например: Ø *Кружишь по лесу молчаливому*, Ø *кружишь*, Ø *ищешь*, как просочиться к озеру, — Ø *не найдёшь* («Озеро Сегден»).

¹ Здесь следует сказать, что сама эта форма не раз ставила исследователей в тупик: «Крохотки» называют «поэзией новорожденного мира» [Нива, с. 93], «лирическими миниатюрами, стихотворениями в прозе, философскими эссе», находят в них признаки «притчи, басни» [Иванова, с. 116], «небольшим циклом маленьких рассказов» [Красовская, с. 12] и др. [см. также: Гехтляр, Пугачева, с. 255]. Вопрос жанровой принадлежности «Крохоток» не является основным в данной статье, а потому наиболее целесообразным представляется считать их тождественными самим себе (и называть, вслед за отдельными исследователями, «крохотками» со строчной буквы — как специфическую форму малой прозы [Ковалева; Макарова; Урманов]).

² «Крохотки» анализируются по «Малому собранию сочинений» 1991 г. [Солженицын, с. 147–158], вышедшему, по воспоминаниям исследователя А. Островского, сразу после того, как «рухнули запреты» и «книги Солженицына стали доступны каждому» [Островский, с. 5]. Второй цикл «Крохоток» на момент выхода этого издания еще не был написан. Восемнадцатый текст («Молитва» [см.: Макарова, с. 61]) в данном издании не содержится, поэтому в круг анализа не включен.

Таблица 1

Формы повествования в ранних «Крохотках» А. И. Солженицына

№ п/п	Заглавие текста	Кол-во слов	Субъектная тематическая цепочка	Форма повествования ³
1	«Дыхание»	131	я — Ø — я — Ø — Ø — нас — мне — я	«Я» («МЫ»)
2	«Озеро Сегден»	343	Ø — Ø — Ø — Ø — Ø — Ø — тебе — ты — Ø — ты — Ø — тебе	«Ты»
3	«Утенок»	178	мною — мы — мы — мы — все — нашим — мы — нам — Ø	«МЫ» («Я»)
4	«Прах поэта»	300	мы — нам	«МЫ»
5	«Вязовое бревно»	92	мы — Ø — Ø — мы — Ø — нас	«МЫ»
6	«Отражение в воде»	112	мы — ты — я — Ø — Ø — Ø — Ø	«МЫ» («Ты», «Я»)
7	«Гроза в горах»	179	нас — мы — нам — нас — нам — мы — мы — мы — наших	«МЫ»
8	«Город на Неве»	155	нам — наше — наши — нашего	«МЫ»
9	«Шарик»	89	нас — я — мне — ваших — Ø	«МЫ», «Я», «ВЫ»
10	«Способ двигаться»	100	мы — мы — наш	«МЫ»
11	«Старое ведро»	326	бывшему фронтовику — я — Ø — Ø — Ø — Ø — мы — наша — Ø	«Я» («МЫ»)
12	«На родине Есенина»	246	я — Ø — мне — я	«Я»
13	«Колхозный рюкзак»	135	вас — вы — Ø — братья по перу — я — Ø — вас — Ø	«ВЫ» («Я»)
14	«Костер и муравьи»	88	я — Ø — вас — Ø	«Я»
15	«Мы-то не умрем»	247	мы — мы — мы — Ø — я — мне — моих — наших — нам — тебе — мне — наша — нас — нас — нас — мы — нам — мы	«МЫ» («Я», «Ты»)
16	«Приступая ко дню»	74	наше	«МЫ»
17	«Путешествуя вдоль Оки»	279	Ø — ты — ты — тебя — ты — тебя — нам — наши — Ø — Ø — Ø	«Ты» («МЫ»)

В приведенную таблицу не помещены объектные (предметные) тематические цепочки, связанные с грамматическим третьим лицом. Местоимение *он* (*она*, *оно*, *они*), безусловно, встречается в «Крохотках», однако объекты, обозначаемые им, всегда находятся под «всевидящим оком» явленного в тексте повествователя (как видно из табл. 1, чаще коллективного, т. е. *мы*-повествователя). В соответствии с логикой определения формы повествования [см.: Атарова, Лескис, 1976; 1980] говорить о третьеличной форме, к тому же «характеризующейся

³ Без скобок указывается доминирующая форма повествования в тексте, в скобках — форма, возникающая при смене точки зрения.

семантикой вымысла» [Бортникова, с. 60], — что никак нельзя связать с «Крохотками», — не приходится.

Форма повествования от первого лица семантически связана с субъективностью, со стремлением к достоверности, с наличием персонифицированного повествователя, существующего в том же мире, что и персонажи [Атарова, Лескис, 1976, с. 345–347; Бортникова, с. 57]. Преобладание же *мы*-формы над *я*-формой свидетельствует об обобщенном повествователе, об отнесении говорящим себя к группе, коллективу и о ведении речи от лица этого коллектива. В разных «Крохотках», однако, *мы* имеет различную степень обобщения, ср.: *А мы — мы на Венеру скоро полетим* («Утенок») — *Во дворе у нас один мальчик держит песика Шарика* («Шарик»). Чем более обобщено *мы*, тем ближе оно к обозначению всего советского народа, а значит, и к *homo soveticus*, и тем критичнее к нему отношение Солженицына.

Проследим динамику взаимодействия формы повествования с авторскими оценочными смыслами, относящимися к «советскости».

Возвращаясь к тому факту, что ранние «Крохотки» написаны в советскую эпоху, отметим, что их можно разделить на содержащие упоминания о чем бы то ни было советском и, в частности, о *homo soveticus* (№ 1–4, 8, 10, 12, 15–17) и не содержащие таковых вкраплений. Прослеживается определенная динамика появления тех «Крохоток», где упоминается *homo soveticus* и его вмешательство в естественный, вековой ход истории. Первые четыре и последние три таких текста образуют своего рода «кольцо»; в середине цикла возникает своего рода кольцевой «перерыв» (№ 5–7 и № 13, 14, точно автор хочет отдохнуть от всего советского), а затем «чередование»: четные «Крохотки» (№ 8, 10, 12) упоминают *homo soveticus*, нечетные (№ 9 и 11) таких упоминаний не содержат (см. рисунок).

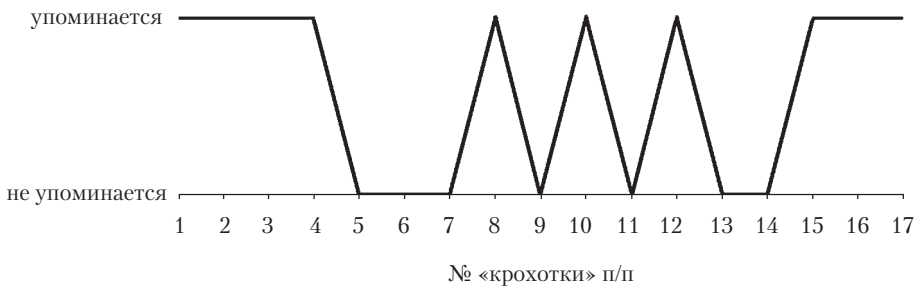

График упоминаний «советскости» (*homo soveticus*)
в ранних «Крохотках» А. И. Солженицына
The chart of mentioning Soviet reality (*homo soveticus*)
in A. Solzhenitsyn's earliest "Krokhutki"

Любопытно, что упоминания о советской эпохе, посвященные ей вкрапления практически во всех «Крохотках» выделяются в отдельный абзац либо несколько абзацев. Таким образом, «советскость», а вместе с ней и *homo soveticus*,

помещается в отдельную композиционную часть либо составляет отдельный композиционный блок (в теории абзаца — составляет одно или несколько сверхфразовых единств, СФЕ). Графически это можно выразить в виде следующей таблицы-схемы (см. табл. 2), где закрашены «советски» маркированные СФЕ и не закрашены, соответственно, сверхфразовые единства, в составе которых отсутствуют указания на *homo soveticus* и его деяния. Спорные случаи (например, где «советское» проявляется имплицитно) отмечены заштрихованными ячейками; перечеркивание ячеек используется в случаях, когда абзацев меньше 10 (в первой «Крохотке» их 4, в третьей — 5 и т. д.):

Таблица 2

**«Советски» маркированные абзацы (сверхфразовые единства)
в «Крохотках», содержащих упоминания *homo soveticus***

№ СФЕ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Крохотки»										
1. «Дыхание»			ш	■	х	х	х	х	х	х
2. «Озеро Сегден»	ш	■					■	■		
3. «Утенок»				■	■	х	х	х	х	х
4. «Прах поэта»				■		■				
8. «Город на Неве»		■		■	х	х	х	х	х	х
10. «Способ двигаться»		■	ш	х	х	х	х	х	х	х
12. «На родине Есенина»										
15. «Мы-то не умрем»		■		■		■		■		
16. «Приступая ко дню»			■	х	■	х	х	х	х	х
17. «Путешествуя вдоль Оки»				■	■	■		■		

В текстовом размещении [Матвеева] сверхфразовых единств (табл. 2) наблюдается определенная закономерность: в «крохотках», содержащих четное число абзацев, маркеры «советского» почти всегда обнаруживаются в сверхфразовых единствах с четными номерами. Что же касается текстов с нечетным количеством абзацев, то в выборке произведений (куда попали только те произведения цикла, где вообще содержатся упоминания «советскости» и *homo soveticus*, см. рис. 1) таких текстов только два — «Утенок» и «Город на Неве», — поэтому о закономерностях распределения в них «советскости» говорить не приходится.

В первом тексте, «Дыхание», знаки эпохи проявляются внутри последнего абзаца:

Пусть это — только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестану слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно еще дышать после дождя под яблоней — можно еще и пожить!

Первые три абзаца посвящены природе, созерцаемой говорящим. *Звериные клетки пятиэтажных домов, стрельба мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей* — знаки вещного мира⁴ — исчезают для повествователя, стоящего под яблоней, «радостно и благодарно воспринимающего весенний сад после дождя» [Петрухина, с. 181]. Именно дыхание, дыхание свободы от тюрьмы и от всего советского становится для повествователя источником наслаждения. Единственный знак, маркер «советскости», который проявляется в предпоследнем абзаце, — это как раз *тюрьма*, и с ней же связано появление в тексте местоимения *мы*: *Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма*. Тюрьма, репрессии коснулись многих *нас* (парадокс насилия *homo soveticus* над себе подобными), лишили представления о природном, естественном. Советское (а значит, технологическое и тюремное) врывается в природное, в естественное, а говорящий, в свою очередь, перестает слышать это советское (ср. глаголы с семантикой ограничения: *лишает, перестаю слышать*), поднимается над действительностью и тем самым отвергает ее.

Вкрапление советского во вторую «крохотку» («Озеро Сегден») занимает лишь второй, очень маленький абзац: *А близ дорог в сосновой чаще сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами*. Однако постовые берутся не из ниоткуда — в первом абзаце упоминается некая *земная власть*, которая ставит простую немую черточку над всеми дорогами (по всей видимости, знак «Въезд запрещен», известный в народе как «кирпич»):

Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку; *над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка. Человек или дикий зверь, кто увидит эту черточку над своим путем — поворачивай! Эту черточку ставит земная власть. Эта черточка значит: ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя*.

Вещный знак — *немая черточка* — наделяется семантикой запрета. Черточку поставила *земная власть* — некий *лютый князь, злодей косоглазый*, в мифологическом образе которого исследователи угадывают власть советскую [Урманов, с. 54]. Отметим, что ни в одной ранней «Крохотке» ни разу не употребляются лексемы *советский, коммунистический*. *Homo soveticus* возникает в тексте имплицитно, однако контекстные маркеры — вещные знаки *дача, купальни, окружная область* — не дают усомниться в его присутствии:

Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий. Между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли.

Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон *дача* его, *купальни* его. Злодеята ловят рыбу, бьют уток с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода — выстрел.

⁴ В современной семиотике принято разграничивать «событийные знаки», соответствующие «произошедшим в конкретное время событиям, имевшим и имеющим социально-общественную значимость»; знаки-ритуалы (как указывает О. А. Михайлова, «советские ритуалы суть ритуалы социального характера») и «знаки вещного мира» [Михайлова, с. 270–274].

Там, за лесами, горбит и тянет вся *окружная область*. А сюда, чтоб никто не мешал им, — закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них. Вот следы: кто-то костер раскладывал, притушили в начале и выгнали.

Семантика запретов и ограничений, устанавливаемых советской властью, поддерживается лексемами *нельзя, закрыты, особо (для них), притушили, выгнали*. Эти единицы — маркеры контекстного противопоставления, «рубящего» предметные тематические цепочки (ср. и контрастный глагольный ряд в скобках): *душа* (струилась бы), (текли бы) *мысли* — *лютый князь, злодей косоглазый* (захватил), *злodeята* (ловят, бьют); (горбит, тянет) *окружная область* — (не мешал) *им*, (разводят) *для них*.

Повествование в этой «крохотке» наиболее сближается с третьеличной формой, однако постоянная смена благодаря контрастам предмета описания, а также наличие формально выраженного наблюдателя, на этот раз в позиции *ты*, позволяет говорить о доминировании в «Озере Сегден» субъекта, повествующего от второго лица (см. табл. 1). Эта форма грамматически связана с обращением к непосредственному собеседнику — в данном случае к *человеку* или *дикому зверю* (императив *поворачивай!*). Однако далее *ты*, хотя и формально не выражено, семантически конкретизируется: ***Кружишь по лесу молчаливому, кружишь, ищешь, как просочиться к озеру, — не найдёшь, и спросить не у кого: напугали народ, никто в том лесу не бывает...*** (речь, очевидно, о человеке). Восстанавливаемое из контекста *ты*, как и любой другой субъект, при выделении тематических цепочек в лингвистике текста признается нулевой номинацией (см. символ Ø в табл. 1).

В третьем от начала тексте, «Утенок», противопоставление природы и *homo soveticus* (воплощенного теперь уже в форме *мы*, см. табл. 1) также оказывается не в пользу последнего:

А *мы* — *мы* на Венеру скоро полетим. *Мы* теперь, если все дружно возьмемся — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! — никогда, со всем *нашим* атомным могуществом, *мы* не составим в колбе, и даже если перья и косточки *нам* дать, — Ø не смонтируем вот этого невестомого жалкенького желтенького утенка...

Знаки эпохи в данной «крохотке» — это знаки-события (космические полеты, поднятие целины, атомное могущество СССР). Ограничительная семантика, связанная с утенком (ср. прилагательные *жалкенького, желтенького* — свойственное А. И. Солженицыну сочетание в однородном ряду окказионализма и существующего слова [Перовская, Захарова, Быковец]), контекстуально распространяется на обобщенное *мы*: технологизированному *homo soveticus*, о котором упоминалось выше. *Нам* (писатель включает и себя в состав обобщенного субъекта) никогда не создать даже того малого, что может создать природа — и *homo soveticus*, глядящий на себя со стороны критически

(и в этом смысле становящийся *homo antisoveticus*⁵), осознает бессмысленность *всего атомного могущества, полетов на Венеру* и пр. — всего того, что касалось соперничества СССР и США в годы холодной войны.

«Прах поэта», четвертая по счету «крохотка», разворачивается в деревне Льгово — месте захоронения Я. Полонского. На этот раз *мы* — вполне конкретный субъект, разговаривающий с начальником тюрьмы среди «осовеченной» обстановки:

Это место, как свое единственное, приглядел Яков Петрович Полонский и велел похоронить себя здесь. Всё нам кажется, что дух наш будет летать над могилой и ози- раться на тихие просторы.

Но — нет куполов, и церковей нет, от каменной стены половина осталась и достро- ена дощаным забором с колючей проволокой, а над всей древностью — вышки, пугала гадкие, до того знакомые, до того знакомые... В воротах монастырских — вахта. Пла- кат: «За мир между народами!» — русский рабочий держит на руках африканенка.

Мы — будто ничего не понимаем. И меж бараков охраны выходной надзиратель в нижней сорочке объясняет нам:

— Монастырь тут был, в мире второй. Первый в Риме, кажется. А в Москве — уже третий. *Когда детская колония здесь была, так мальчишки, они ж не разбираются, все стены изгадили, иконы побили. А потом колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей — на кирпичи, хотел шестирядный коровник строить. Я тоже нанимался: пятьдесят копеек платили за целый кирпич, двадцать за половинку. Только плохо кир- пичи разнимались, все комками с цементом. Под церковью склеп открылся, архиерей лежал, сам — череп, а мантия цела. Вдвоем мы ту мантию рвали, порвать не могли...*

По расположению выделенных фрагментов видно, как «советское» переме- жается с «несоветским» — историческим (*приглядел Яков Петрович Полонский; Монастырь тут был*) и современным (*Мы — будто ничего не понимаем*). Про- тив советского протестует и повествователь (ср. повтор синтагмы, призванный усилить отрицательное ощущение видимого: *вышки, пугала гадкие, до того знакомые, до того знакомые...*), и — невольно — надзиратель (*Когда детская колония здесь была, так мальчишки <...> все стены изгадили, иконы побили*). Тут же, однако, следует оправдание мальчишек (*они ж не разбираются*) и рас- сказ о деятельности колхоза, уже без всякого сожаления.

Знаки эпохи представлены косвенными указаниями на события (*детская колония* и *колхоз* не могли разместиться в монастыре в иную эпоху, нежели совет- ская) и ритуалы (разграбление, осквернение монастыря, вообще уничтожение связанных с религией зданий — знак социалистической реальности, а в *разборе на кирпичи* можно видеть аналогию со строкой из песни В. С. Высоцкого: *Да ты, товарищ, опоздал, ты на два года перепутал, разобрали мы тюрьму на кирпичи*). Вещные знаки — *дощаный забор с колючей проволокой, вышки, плакат «За мир между народами»*.

⁵ О термине *homo antisoveticus* и его употреблении в современных исследованиях см.: [Бортников, Бортникова, Алексеевская, с. 690].

Как уже отмечалось, после советского «засилия» (первые четыре текста) в «Крохотках» наступает как бы некоторое затишье, перерыв (см. рисунок). Произведения «Вязовое бревно», «Отраженье в воде», «Гроза в горах» посвящены природе и ощущению ее человеком (вновь конкретным либо обобщенным *мы*). Однако в восьмой «крохотке», «Город на Неве», посвященной ни разу не названному Санкт-Петербургу (Ленинграду), советское прорывается со всей четкостью, и вновь через отрицание:

Какое счастье, что здесь ничего уже нельзя построить! — ни кондитерского небоскрёба втиснуть в Невский, ни пятиэтажную коробку сляпать у канала Грибоедова. Ни один архитектор, самый чиновный и бездарный, употребив всё влияние, не получает участка под застройку ближе Чёрной Речки или Охты.

Вещные знаки советской эпохи образуют характерный ряд: *кондитерский небоскрёб, пятиэтажная коробка, бездарный архитектор* (овеществление последнего) — с характерными отрицательно-оценочными глаголами: *втиснуть, сляпать* (также маркерами авторского отношения к советским изменениям уже внутри города). Советское «втискивается» в текст снова с перемежениями — во второй (приведенный выше) и четвертый (он же последний) абзацы:

Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жён — всё это тоже забудется начисто? Всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?..

Первый же и третий абзацы, «несоветские», по объёму превосходящие «советские», посвящены памятникам города (упоминаются *византийский купол Исаакия, три золотых гранёных шпилья, львы, грифоны и сфинксы, шестерка Победы, сотни портиков, тысячи колонн, вздыбленные лошади, упирающиеся быки*) и истории его создания (*...стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту. Косточки наших предков слежались, сплывались, окаменели в дворцы — желтоватые, бурые, шоколадные, зелёные*). Отметим, что *мы* и «советское» до четвертого абзаца проявляются в тексте отдельно друг от друга и сливаются лишь в последнем, приведенном выше фрагменте. В данном произведении *мы* наиболее обобщено — это вся нация, с ее *нескладными гиблыми жизнями, несогласиями, расстрелами, слезами и стонами*.

Как уже было сказано в связи с графиком (см. рисунок), после восьмого текста «советское» появляется в цикле «Крохоток» с некоторой ритмичностью. «Крохотки» под № 9 и 11 («Шарик» и «Старое ведро») упоминаний «советского» не содержат, а под № 10 и 12, — наоборот, содержат. Обратимся к этим текстам (озаглавленным, соответственно, «Способ двигаться» и «На родине Есенина»).

«Способ двигаться» (десятая по счету «крохотка») — еще одно обвинение *homo soveticus* в техницизме, и вновь через местоимение *мы*. Вместо того чтобы предпочесть «природные» средства передвижения (*коня, верблюда, ишачка*), субъект повествования выбирает автомобиль:

А *мы* избрали?.. — вот это безобразнейшее из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мертвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком. Оно не проржет о радости степи, о запахах трав, о любви к кобылице или к хозяину. Оно постоянно скрежещет железом и плюет, плюет фиолетовым воноющим дымом.

Второй из трех абзацев — антитезис к первому, описывающему «природные» средства. Ненависть к такому способу передвижения подчеркивается повтором глагола *плюет*. Завершается «крохотка» составляющим отдельное сверхфразовое единство косвенно-оценочным предложением (третий абзац — синтез): *Что ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться*. Как уже говорилось, в текстах ни разу не встречается прямых обвинений *homo soveticus*, однако авторское отрицательное к нему (к *нам*) отношение, критическая оценка нас четко выявляется в пределах ближайшего контекста.

В двенадцатой «крохотке», «На родине Есенина», «советское» вновь умещается в пределы второго абзаца, где эпоха характеризуется через вещные знаки (*селёдка, водка, конфеты-подушечки, буханки*):

На хилый курятник похожа и магазинная будка села Константинова. Селёдка. Всех сортов водка. Конфеты-подушечки слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Чёрных буханок булгыи, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топору под стать.

Р. А. Соколова, посвятившая анализу данного произведения отдельную статью, особо отмечает «использование писателем экспрессивного синтаксиса: автор избегает растянутых периодов, насыщая текст короткими рублеными фразами, парцелляцией и синтаксическими повторами» [Соколова, с. 80]. К сказанному следует добавить абсолютное преобладание назывных предложений в данном фрагменте. Получается, что и Есенин у Солженицына противопоставлен «советскому»: как только речь заходит о *деревенском драчливом парне*, текст насыщается глаголами-сказуемыми; описание же картин советского развала в деревне весьма четко выделяется отсутствием глаголов (*не едят* и *слипшиеся* — лишь 2 единицы на 36 слов в абзаце, причем одна из них в форме причастия). Это противопоставление подтверждается на уровне лексики (*какой же слиток таланта метнул Творец сюда*) и даже, как представляется, на уровне морфемики (*будка, буханка, водка, селёдка*) и фоники (*будка, буханок булгыи* — сочетание *бу* встречается в остальной части текста лишь в слове *избу*)⁶.

Над всей «советской» картиной вновь помещается повествователь: *Я иду по деревне этой, каких много и много <...> и О волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и еще сегодня он обжигает мне щеки здесь*. И Есенин воспринимается повествователем на фоне природы, где нет места «советскости»: *Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь...*

⁶ Данное положение требует отдельной проверки. Фонетический и морфемный строй анализируемого текста пока не стали предметом специального исследования.

Перед финальным «всплеском» проявлений *homo soveticus* в последних трех текстах вновь следует «перерыв» (13-я и 14-я «крохотки», «Колхозный рюкзак» и «Костер и муравьи», вновь не содержат прямых отсылок к *homo soveticus*). Это с избытком компенсируют «крохотки» № 15, 16 и 17, замыкающие цикл, а вместе с ним и композиционное «кольцо советскости».

Текст «Мы-то не умрем» — вновь яркий пример перемежения «советского» с «несоветским». Из восьми небольших абзацев забывший о мертвых, о предках *homo soveticus* (вновь в форме *мы* с сопутствующими *ты* и *я*, см. табл. 1) появляется в четных СФЕ: втором, четвертом, шестом и восьмом.

Выделим посвященные *homo soveticus* и его боязни смерти фрагменты в первых четырех абзацах данной «Крохотки»:

А больше всего мы стали бояться мертвых и смерти.

Если в какой семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем...

Даже стыдным считается называть кладбище как серьезное что-то. На работе не скажешь: «на воскресник я не могу, мне, мол, моих надо навестить на кладбище». Разве это дело — навещать тех, кто есть не просит?

Перевезти покойника из города в город? — блажь какая, никто под это вагона не даст. И по городу их теперь с оркестром не носят, а быстро прокатывают на грузовике.

В четных сверхфразовых единствах (втором и четвертом) происходит перемежение: так называемые протосисы — начальные синтагмы (*Если в какой семье смерть; Перевезти покойника из города в город?*) — непосредственно связаны не с советской действительностью, а скорее, с вечным (второй абзац) или с «несоветским» (четвертый абзац). Аподосисы же, т. е. синтагмы конечные, «перечеркивают» протосисы своей «советскостью». Через отрицание того, как было принято раньше, — навещать покойников (*На работе не скажешь: «...мне, мол, моих надо навестить...»*), хоронить (*И по городу их теперь с оркестром не носят*) — вновь реализуется отрицательное отношение к тому, как сейчас. Временная оппозиция *раньше* — *сейчас*, таким образом, приобретает для данного текста ключевое значение [см. также: Петрухина].

Данная оппозиция разворачивается в следующих двух СФЕ (абзацы 5-й и 6-й): **Когда-то** *на кладбищах наших по воскресеньям ходили между могил, пели светло и кадиль душистым ладаном... — А сейчас, если кладбище держится, то вывеска: «Владельцы могил! Во избежание штрафа убрать прошлогодний мусор!» Но чаще — закатывают их, равняют бульдозерами — под стадионы, под парки культуры. Знаки-ритуалы и вещные знаки поддерживают противопоставление эпох (кадить — равнять бульдозерами; ладан, могилы, зеленые холмики — стадионы, парки культуры).* Временная оппозиция поддерживается и абзацным членением.

Последние же два абзаца — оппозиция пространственная (*там* — *здесь*, или *у них* — *у нас*). Противопоставляются *другие народы* и *мы*, советские люди. **Все народы** *отводят день такой — думать о тех, кто погиб за нас* (конец седьмого

абзаца). *А за нас-то — за нас больше всего погибло, но дня такого у нас нет* (начало восьмого абзаца). Симметричное, хиастическое построение призвано усилить данную оппозицию; *мы (за нас)*, референт которого в седьмом абзаце — *другие народы* — более обобщено по сравнению с *мы* в восьмом абзаце. *Ното soveticus* выступает как «иной», «не как все», поскольку не чтит память предков. Используя прием несобственно-прямой речи, далее автор начинает говорить от лица «человека советского»: *Если на всех погибших оглядываться — кто кирпичи будет класть? В трех войнах теряли мы мужей, сыновей, женихов — пропадите, постылые, под деревянной крашеной тумбой, не мешайте нам жить! Мы-то ведь никогда не умрем!* Бесконечная тяга к труду оказывается против *hoto soveticus* (*кто кирпичи будет класть?* — через кирпич как вещный знак проводится параллель с разбором кирпичей в «крохотке» «Прах поэта»). Рассуждения от лица «человека советского» в форме несобственно-прямой речи здесь и выше (ср.: *Разве это дело — навещать тех, кто есть не просит?* в первом СФЕ) призваны усилить отрицательное впечатление от ведущего эти рассуждения субъекта-повествователя, как бы примеряющего маску *hoto soveticus*.

Продолжение оппозиции «материальное — нематериальное» находим в виде противопоставления *тело — дух* в следующей, 16-й «крохотке», «Приступая ко дню»:

Никого в наше время не удивляет, что человек каждодневно служит терпеливо и внимательно телу своему.

Но оскорблены были бы, если бы так служил он своему духу.

Нет, это не молитва. Это — зарядка.

Материализм, отсутствие духовности — неотъемлемая черта *hoto soveticus*, маркируемая временным указателем *в наше время*. «Несоветское» вводится в текст через сослагательное наклонение в предпоследнем абзаце. Признаком «советскости» на этот раз оказывается знак-ритуал утренней зарядки, столь распространенный в советское время.

Та же черта отсутствия духовности в «человеке советском» становится основной темой в замыкающей цикл «крохотке» № 17 — «Путешествуя вдоль Оки». Вновь возникает проблема разрушенных церквей (тематическая связь с текстом «Прах поэта»), кладбищ (связь с «крохоткой» «Мы-то не умрем»). Вещные знаки-маркеры «советскости» — *бочки с соляжкой, трактор, грузовик, станки, клубы, вывески* — в пространстве и времени располагаются как подавляющие всё «былое», церковное:

На паперти — *бочки с соляжкой*, к ним разворачивается *трактор*. Или *грузовик* въехал кузовом в дверь притвора, берёт мешки. В той церкви подрагивают *станки*. Эта — просто на замке, безмолвная. Еще в одной и еще в одной — *клубы*. «Добьемся высоких удоев!» «Поэма о море». «Великий подвиг».

Советская же эпоха стала источником знаков-ритуалов осквернения кладбищ:

Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями.

Всё, что веками считалось святым, теперь разрушено; трагедия текущего момента для повествователя в том, что *звон вечерний* больше не *плывет над селом, над полем, над лесом*. План прошлого в данном тексте получает органичное топографическое воплощение в русских церквях — как отмечает один из философов, они «являются для писателя примером соединения в одно целое, казалось бы, несоединимых начал — физического и метафизического. Органичный синтез бытового и бытийного, временного и вечного, материального и идеального — одна из отличительных особенностей эстетики Солженицына» [Урманов, с. 56]. Каждая из названных исследователем оппозиций представляется отдельным аспектом изучения философии автора — современника и соотечественника Октябрьской революции, сумевшего диалектически осмыслить ее последствия уже к концу 1950-х гг. (когда и были написаны первые «Крохотки»).

Итак, в «Крохотках» — малых прозаических текстах А. И. Солженицына — воплощаются важнейшие черты *homo soveticus*, заставляющие автора относиться к «человеку советскому» отрицательно. Это захват всего векового, тысячелетнего; установление власти там, где власть принадлежит лишь природе и Всевышнему; разрушение и осквернение святынь, церквей, памятников; отсутствие уважения к предкам. Хотя лексемы *советский*, *социалистический* ни разу не употребляются в «Крохотках», о вмешательстве *нынешнего* в *вечное*, *советского* в *мировое* можно судить через знаки-события, знаки-ритуалы и знаки-вещи. Размещается «советское» особыми, точечными вкраплениями (табл. 2) — имплицитно, в рамках отдельных абзацев, словно сжимаясь под давлением негативно относящегося к нему нарратора.

«Советской» окраской характеризуются не все «Крохотки». Однако во всех них присутствует активный субъект-созерцатель, чаще ведущий повествование от лица *мы* и, таким образом, причисляющий себя (в «советских» текстах) к тем *homo soveticus*, которых оценивает резко отрицательно. Реже среди «советски окрашенных» «Крохоток» встречаются формы *я-*, *ты-* и *вы-*повествования (см. табл. 1): первая используется для противопоставления себя «осовеченной» действительности, остальные две — для смены точки зрения, ведения речи от лица адресата (как правило, тоже *homo soveticus*). Всякий раз такая трансформация способствует усилению отрицательного отношения к «советскости», демонстрации того, что избранный «человеком советским» путь технократии, отчуждения от природы и отречения от предков, от церкви неверен, противостественен. Как показала история, страсть *homo soveticus* к разрушениям, перестройкам в конечном итоге привела к разрушению собственного государства — Советского Союза; эта внутренняя противоречивость была видна

А. И. Солженицыну еще в 1950-х гг. и со всей полнотой нашла отражение в раннем цикле «Крохоток».

Источники

Солженицын А. И. Крохотки // Солженицын А. И. Малое собр. соч. : в 7 т. Т. 3 : Рассказы. М. : ИНКОМ НВ, 1991. С. 147–158.

Исследования

Атарова К. Н., Лескис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 4. С. 345–347.

Атарова К. Н., Лескис Г. А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 1. С. 33–46.

Бортников В. И. Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 75–85.

Бортников В. И., Бортникова А. В., Алексеевская А. И. О ритмах революции в тексте *homo soveticus*: осмысление октябрьского переворота в блоге Б. Акунина «Любовь к истории» (статья первая) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27. № 5. С. 683–692.

Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2 ч. М. : [б. и.], 1974. Ч. 1. С. 61–66.

Гехтляр С. Я., Пугачева О. В. Архитектоника текста как показатель жанровой принадлежности (на примере «Крохоток» А. И. Солженицына) // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 255–258.

Иванова Ю. В. Читаем «Крохотки» А. И. Солженицына и «Крупинки» В. Н. Крупина. К вопросу о формировании литературных способностей старшеклассников // Сиб. пед. журн. 2010. № 4. С. 109–118.

Ицкович Т. В. Категория темы в тексте жития // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 52–59.

Ковалева М. А. Интервью с Н. А. Струве. К 50-летию первой публикации «Крохоток» А. И. Солженицына (Париж, 12 ноября 2013 года) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. : Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 2. С. 106–109.

Красовская С. И. Дискурс и жанр «Крохоток» А. И. Солженицына // Проза А. Солженицына 1990-х годов: художественный мир, поэтика, культурный контекст : междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Урманов. Благовещенск : Благовещен. гос. пед. ун-т, 2008. С. 12–24.

Макарова О. С. Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки» А. И. Солженицына // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 57–61.

Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : словарь-справочник : [электрон. изд.] / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 669–671.

Михайлова О. А. Стиль эпохи в романе А. Кабакова «Все поправимо» // Лицо и стиль : сб. науч. ст., посв. юбилею проф. В. В. Эйдиновой / [отв. ред.: Л. П. Быков, В. А. Гудов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 269–276.

Нива Ж. Солженицын. М. : Худ. лит., 1992.

Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. М. : Яуза : Пресском, 2004.

Перовская Т. И., Захарова М. А., Бьковец Д. В. Лексические и семантические окказионализмы в лирических миниатюрах Александра Солженицына // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки : сб. ст. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. А. Васинович. Новосибирск : Сиб. акад. кн., 2018. С. 61–66.

Петрухина Е. В. Темпоральные модели расширения настоящего в грамматической системе и художественном тексте (на материале «Крохоток» А. И. Солженицына) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 176–193. <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.072>

Соколова Р. А. Пространство в «крохотке» А. И. Солженицына «На родине Есенина» // Современное есениноведение. 2013. № 25. С. 79–80.

Урманов А. В. Материальное и идеальное в ранних «Крохотках» // Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына. Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст : междунар. сб. науч. тр. / [редкол.: А. В. Урманов (отв. ред.), М. А. Николсон, Н. М. Щедрина]. Благовещенск : Благовещен. гос. пед. ун-т, 2011. С. 41–61.

Шнеерсон М. Александр Солженицын. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1984.

References

Atarova, K. N., & Lesskis, G. A. (1976). Semantika i struktura povestvovaniia ot pervogo litsa v khudozhestvennoi proze [Semantics and Structure of the First-person Narration in Fiction Prose]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 35, 4, 345–347. (In Russian)

Atarova, K. N., & Lesskis, G. A. (1980). Semantika i struktura povestvovaniya ot tret'ego litsa v khudozhestvennoi proze [Semantics and Structure of the Third-person Narration in Fiction Prose]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 39, 1, 33–46. (In Russian)

Bortnikov, V. I. (2013). Tekstovyye kategorii kak osnovanie sravneniia variantov khudozhestvennogo teksta [Text Categories as a Basis for Comparison of Variants of the Belles-lettres Text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 2 (22), 75–85. (In Russian)

Bortnikov, V. I., Bortnikova, A. V., & Alekseevskaya, A. I. (2017). O ritmakh revoliutsii v tekste *homo soveticus*: osmyslenie oktyabr'skogo perevorota v блоге В. Акунина “Lyubov' k istorii” (stat'ya pervaya) [On the Rhythms of Revolution in the Text of *Homo Sovieticus*: Understanding October Revolution in B. Akunin's Blog *Love for History* (Article 1)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia Istorii i filologiya*, 27, 5, 683–692. (In Russian)

Bortnikova, A. V. (2016). *Zhanry maloi prozy D. N. Mamina-Sibiryaka 1880-kh gg.: poetika povestvovaniya* [Genres of D. N. Mamin-Sibiryak's 1880s Flash Fiction: Poetics of Narration] (doctoral dissertation). Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russian)

Gak, V. G. (1974). O semanticheskoi organizatsii teksta [On the Semantic Organisation of Text]. In *Lingvistika teksta* [Text Linguistics] (Pt. 1, pp. 61–66). Moscow: [s. l.]. (In Russian)

Gehtlar, S. Ya., & Pugachova, O. V. (2012). Arkhitektonika teksta kak pokazatel' zhanrovoi prinadlezhnosti (na primere “Krokhotok” A. I. Solzhenitsyna) [Text Architectonics as a Genre Indicator (on the example of *Krokhutki* by A. I. Solzhenitsyn)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-1, 255–258. (In Russian)

Itskovich, T. V. (2013). Kategoriiia temy v tekste zhitiiia [The Category of Theme in a Hagiographic Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia 2: Iazykoznanie*, 2, 52–59. (In Russian)

Ivanova, Yu. V. (2010). Chitaem “Krokhutki” A. I. Solzhenitsyna i “Krupinki” V. N. Krupina. K voprosu o formirovaniia literaturnykh sposobnostei starsheklassnikov [Reading *Krokhutki* by A. I. Solzhenitsyn and *Krupinki* by V. N. Krupin. To the Question of Forming Literary Abilities of Senior Pupils]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 4, 109–118. (In Russian)

Kovaleva, M. A. (2014). Interv'yu s N. A. Struve. K 50-letiyu pervoi publikatsii “Krokhotok” A. I. Solzhenitsyna (Parizh, 12 noyabrya 2013 goda) [An Interview with N. A. Struve. For the 50th Anniversary of the First Publication of *Miniatures* by A. I. Solzhenitsyn (Paris, 12 November 2013)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriiia. Seriiia: Filologiya. Zhurnalistika*, 14, 2, 106–109. (In Russian)

Krasovskaya, S. I. (2008). Diskurs i zhanr “Krokhotok” A. I. Solzhenitsyna [The Discourse and Genre of *Miniatures* by A. I. Solzhenitsyn]. In A. V. Uрманov (Ed.), *Proza A. Solzhenitsyna 1990-kh*

godov: khudozhestvennyi mir, poetika, kul'turnyi kontekst [A. Solzhenitsyn's 1990s Prose: Fiction World, Poetics, Cultural Context] (pp. 12–24). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. (In Russian)

Makarova, O. S. (2011). Strukturno-smyslovoe edinstvo miniatyur tsikla “Krokhotki” A. I. Solzhenitsyna [Structure and Meaning Unity of Solzhenitsyn's Prose Miniatures *Krokhotki*]. *Mir russkogo slova*, 4, 57–61. (In Russian)

Matveeva, T. V. (2014). Tekstovaya kategoriya [Text Category]. In A. P. Skovorodnikov (Ed.), *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (Basic Competences)] (pp. 669–671). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian)

Mikhailova, O. A. (2009). Stil' epokhi v romane A. Kabakova “Vse popravimo” [The Style of the Epoch in the Novel *Everything is Repairable* by A. Kabakov]. In L. P. Bykov, & V. A. Gudov (Eds.), *Litso i stil'* [Face and Style] (pp. 269–276). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Nivat, G. (1992). *Solzhenitsyn*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)

Ostrovsky, A. (2004). *Solzhenitsyn. Proshchaniye s mifom* [Solzhenitsyn. A Farewell to the Myth]. Moscow: Yauza; Presskom. (In Russian)

Perovskaya, T. I., Zakharova, M. A., & Bykovets, D. V. (2018). Leksicheskie i semanticheskie okkazyonizmy v liricheskikh miniatyurakh Aleksandra Solzhenitsyna [Lexical and Semantic Occasionalisms in the Lyrical Miniatures of Aleksandr Solzhenitsyn]. In M. A. Vasinovich (Ed.), *Kul'turologiya, filologiya, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoi nauki* (pp. 61–66). Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga. (In Russian)

Petrukhina, E. V. (2017). Temporalnye modeli rasshireniia nastoiashchego v grammaticheskoi sisteme i khudozhestvennom tekste (na materiale “Krokhotok” A. I. Solzhenitsyna) [Temporal Models of Expansion of the Present Tense in the Grammatical System and Literary Text (with Reference to *Krokhotki* by A. I. Solzhenitsyn)]. *Izvestiia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 19, 4, 176–193. <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2017.19.4.072> (In Russian)

Schneerson, M. (1984). *Alexander Solzhenitsyn*. Frankfurt-am-Mein: Posev. (In Russian)

Sokolova, R. A. (2013). Prostranstvo v “krokhotke” A. I. Solzhenitsyna “Na rodine Esenina” [Space in A. Solzhenitsyn's Miniature *In Yesenin's Native Land*]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 25, 79–80. (In Russian)

Urmanov, A. V. (2011). Material'noe i ideal'noe v rannikh “Krokhotkakh” [The Material and the Ideal in the First *Miniatures*]. In A. V. Urmanov, M. A. Nicolson, & N. M. Shchedrina (Eds.), *Malye zhanrovye formy v tvorchestve A. Solzhenitsyna. Hudozhestvennyi mir. Poetika. Kul'turnyi kontekst* (pp. 41–61). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. (In Russian)

Бортников Владислав Игоревич

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Bortnikov, Vladislav Igorevich

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of the Russian Language,
General Linguistics and Verbal
Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: octahedron31079@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3001-840X